

Юрий Каграманов

Нерон высадился в Америке

Culture wars в США¹

Минувшее и настоящее меняются местами.

Уолт Уитмен

Американцы широко отмечают столетие своей гражданской войны. Памятные мероприятия начались 12 апреля 2011 года исторической реконструкцией штурма форта Самтер в Южной Каролине, которым южане овладели, развязав тем самым военные действия. И закончатся 9 апреля 2015 года, в день, когда в итоге сражения при Аппоматоксе главнокомандующий южан генерал Роберт Ли в знак сдачи протянул свою саблю, эфесом вперед, главнокомандующему северян генералу Улиссу Гранту.

Естественно, что каждая годовщина, относящаяся к Гражданской войне, по-разному переживается в стане победителей и в стане побежденных. Несмотря на то, что кровавые события 1861—1865 годов все больше отдаляются во времени и несмотря на «примирительные» жесты северян, выразившиеся, в частности, в ряде голливудских фильмов, изобразивших южан и северян в равной мере смельчаками и героями; примером может служить эпический фильм 1993 года «Геттисберг».

Но сейчас «примирительные» жесты делаются все реже. Напротив, между Севером и Югом усиливается взаимная враждебность. Дело дошло до того, что учащаются разговоры о возможности новой сепарации. Так называемая Лига Юга, выступая от имени пятнадцати бывших рабовладельческих штатов² со стомиллионным населением, уже с конца 90-х годов ведет работу по подготовке общественного мнения к отложению от Соединенных Штатов. В конце прошлого года, сразу после президентских выборов, в семи штатах были поданы петиции о восстановлении независимости Юга; в одном Техасе петицию подписали сто тысяч человек, включая губернатора штата.

Пока это только «пробы», но при ином положении дел вопрос может перейти в практическую плоскость. В годовщину сражения при Йорктауне публицист Марк Фогл пишет в интернет-журнале «America Today»: «Общее умонастроение, которое я там (на Юге) нашел, пусть и не всегда артикулируемое, можно определить словами "Мы ждем". Ждем дня, когда независимо от наших усилий

Каграманов Юрий Михайлович — культуролог, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «Зеленый бык на зеленом поле» (№ 4, 2007), «Как уберечь луну от волков» (№ 11, 2007), «Мазепа и другие. Украина в поисках отцов-основателей» (№ 2, 2009), «Вокруг "иранской идиомы"» (№ 12, 2009), «Что нам готовит год 2083?» (№ 12, 2011), «Крик Майастры. Перспектива консервативной революции в Европе» (№ 2, 2013).

прорвется хаос. И тогда придет время для нового политического устройства. И Юг вновь возникнет как нация»³. А что хаос рано или поздно прорвется, в этом сегодня очень многие наблюдатели нисколько не сомневаются.

Неожиданным оказался другой голос, прозвучавший с Севера: писатель Чак Томпсон выступил с книгой «Без них лучше»⁴, одно название которой уже передает ее основную идею. Томпсон уверен, что Союз зря пытался удержать южан в прежних общих границах, положив ради этой цели такое множество жизней. Юг как был, так и остался обузой для Севера, только уже не в экономическом, а в культурном отношении.

Симптоматичным мне представляется фильм Квентина Тарантино «Джанго, освобожденный от оков» (2012). Фильм излучает такую жаркую ненависть к плантаторам, что можно подумать, будто на Юге до сих пор существует рабство и необходимо срочно мобилизовать общественность для борьбы с ним. Складывается впечатление, что первична здесь ненависть, не имеющая сколько-нибудь точного адреса, а плантаторы просто подобраны, как удобный объект для нее. И все-таки объект выбран не случайно: стереотип Юга как прибежища негодяев показывает здесь свою живучесть.

Очень разные «семена Альбиона»

Очевидно, что существует неотменимая «двоичность» Соединенных Штатов. Историк Дэвид Фишер в книге «Семя Альбиона»⁵ объясняет ее генетически, указывая на тот известный факт, что совершенно различные группы переселенцев с Британских островов обосновались на берегах пролива Лонг-Айленд и в районе Чесапикского залива и к югу от него. В первом случае это были пуритане («круглоголовые», как их стали называть за короткую стрижку), во втором — отпрыски джентри, число которых резко увеличилось с началом и в ходе Английской революции за счет бежавших от расправы сторонников короля, или «кавалеров». Две категории переселенцев и в Новом Свете были так же далеки друг от друга, как и «круглоголовые» и «кавалеры» в самой Англии.

Все это, повторю, известные факты, новое же у Фишера в том, что он проводит мысль об устойчивости культурно-исторических типов, изначально утвердивших себя на Севере и на Юге. Мысль эта вступает в некоторое противоречие с известной концепцией «плавильного котла», согласно которой попавшие в общеамериканский «котел» ингредиенты с течением времени утрачивают изначальный цвет, запах и вкус, превращаясь в более или менее однородное месиво. Данная концепция имеет или, во всяком случае, имела, до поры до времени серьезные основания, но и концепция Фишера тоже содержит долю истины. Хотя и нуждается в некоторых существенных оговорках.

Во-первых, на Юге жили не одни только «кавалеры». Лишь на Побережье (шесть Южно-Атлантических штатов, от Делавэра до Джорджии) существовала аристократия в смысле, близком английским стандартам. Да еще в бывшей Французской Луизиане кое-где задержались осевшие здесь знатные французы. В остальных же штатах господствующий класс плантаторов складывался из разношерстных пришлецов, в меру сил равнявшихся на «кавалеров», что далеко не всегда у них получалось.

Марк Твен (тоже южанин), который был в общем и целом прогрессистом

(по крайней мере, в молодости и в среднем возрасте), полагал, что аристократическую гордыню привил Югу... Вальтер Скотт. Это его книги «внушили южанам представление об иерархии и насадили в стране замки с соответствующим образом жизни... Сэр Вальтер до такой степени повлиял на становление южного характера, каким он сложился до войны, что он несет большую долю ответственности за то, что война разразилась». Справедливости ради заметим, что сама система, основанная на рабстве негров, гальванизировала на Юге некоторые элементы феодальной идеологии. А что касается влияния сэра Вальтера, то, право же, «Айвенго» — далеко не худший выбор на роль настольной книги.

В конечном счете, и победители-северяне испытали влияние «рыцарской романтики», которой дышал аристократический Юг. Это видно по тому, как складывался жанр вестерна, ставшего «национальным эпосом Америки». Историки литературы (естественно, что вестерн складывался в литературе задолго до того, как он перешел в кино) прослеживают в нем две струи, северную и южную. Герой северного вестерна — нарочито «плебейского» склада, крут и нещепетилен, любитель крепкого словца и грубоватого юмора. Герой южного вестерна наделен рыцарственной учтивостью и отвагой, чувствительным сердцем и речью, не лишенной некоторого изыска. В кино две струи слились в одну: типичный герой киновестерна прост, но без вульгарности, благороден, но без «феодальных излишеств». Этот образ господствовал на экране до 50-х годов включительно; его воплотила целая вереница импозантных героев, таких, как Гэри Купер, Джон Уэйн и другие.

Так что когда мы смотрим старые вестерны, не мешает знать, откуда что пошло.

Возвращаясь на рабовладельческий Юг: кроме «кавалеров» и их прямых подражателей существовали еще и белые фермеры, составлявшие большинство населения. И тут мы видим, что Юг — это все-таки Америка, а не старушка Англия. Белые фермеры были поголовно вооружены и держали себя независимо по отношению к «кавалерам»; хотя и оказывали им внешние знаки почтения. В политическом отношении каждый из штатов Юга был демократией и декларировал строгое следование «заветам отцов-основателей». В этом последнем смысле южане не отличались от северян; разница была лишь в том, что некоторые заветы те и другие толковали по-разному.

Полагая, не без оснований, что «дух» Юга эпохи Гражданской войны должна передавать его боевая музыка, я захотел с ней познакомиться. Зная об увлечении верхушки Южного общества героями типа Готфрида Бульонского и Ричарда Львиное Сердце, я ожидал услышать нечто вердиевско-вагнеровское. Но оказалось, что и официальный гимн Конфедерации «Dixie's Land», и ее военные марши выдержаны в манере кантри, а это, как известно, «деревенская музыка» (притом это именно музыка Юга по своему происхождению; точнее, место ее рождения — Южные Аппалачи). То есть это музыка, которая призвана была объединить весь народ Юга, за исключением разве что чернокожей его части.

Гражданская война способствовала до-оформлению консервативного мышления южан, надолго замкнувшихся в обособлении и верности проигранному Делу. Недоумок Бенджи из «Шума и ярости» Фолкнера, способный воспринимать улицу только в одном направлении — слева направо от памятника генералу Ли — гротескно отражает умонастроения подавляющего большинства белых южан, убежденных в том, что их сторона в конфликте была правая.

Основы консерватизма, ставшего для Юга традиционным, были сформулированы в 1930 году группой литераторов и философов Юга в коллективной работе (сборнике), названной ими словами припева походной песни конфедератов: «Я займу свою позицию».⁶ В историю эта группа вошла под именем «аграриев» — не потому, что ее участники имели какое-либо отношение к сельскому хозяйству, а потому, что аграрное общество они предпочитали индустриальному. Ведущими среди них были Джон Кроу Рэнсом, Аллен Тейт и Роберт Пенн Уоррен.

Согласно «аграриям», южный ум чуждается общих идей, выношенных где-то за его пределами; внятным является для него только близкое окружение, пропущенное через личное восприятие, да еще общая для всех историческая память. А северяне принесли «немых идей холодный плен», как писал Аллен Тейт в «Оде павшим конфедератам», которую еще недавно учили наизусть во всех школах Юга, да наверное, во многих из них еще и сейчас учат.

«Аграрианизм» тоже произрос из «семени Альбиона», а именно из сочинений Эдмунда Берка — «отца» англо-саксонского консерватизма.

«Аграрии», правда, признавали, что за свою приверженность рабовладению Юг наказан справедливо. Но отрицали, что южане подняли мятеж ради защиты рабства, как то считали, а в большинстве случаев и сейчас еще считают северяне. На самом деле южане хотели защитить права штатов — включая право на отделение от Союза (предусматривала ли Конституция такое право или нет — вопрос крайне запутанный; юристы до сих пор не пришли на сей счет к единому мнению). На Юге очень сильно было развито местничество. Примечательно, что в бой южане шли, как правило, под знаменами своих штатов, а не под общим тринадцатизвездным знаменем Конфедерации. Даже главнокомандующий Ли в решающем сражении при Геттисберге выступал, если верить кинофильму, под знаменем своего родного штата Виргиния.

Так выглядит, в самых общих чертах, традиционный южный консерватизм. Его следует отличать от других вариантов консерватизма — либертарианства, имеющего значительное влияние в западных штатах, и неоконсерватизма, сосредоточенного преимущественно на северо-востоке.

Первое произросло из еще одного «семени Альбиона» — сочинений Адама Смита. Либертарианцы выступают против чрезмерного, с их точки зрения, вмешательства государства в экономическую жизнь, за неограниченную свободу рынка, но считают — и это тоже в согласии с Адамом Смитом, — что полагаться на Невидимую руку можно лишь в том случае, если объектом ее манипуляций (в изначальном смысле «действий, производимых рукой») являются честные и порядочные люди. И оттого выступают за моральное оздоровление общества. В XIX веке такой консерватизм еще именовался либерализмом.

Неоконсерваторы тоже задержались на определенной стадии либерализма, но в иной его перспективе. Они по-прежнему считают, что «судьба» Соединенных Штатов — быть «Городом на холме», освещая путь к демократии для остального мира. А где-то, если нужно, и принуждая к нему силой. Вместе с тем они видят, что «Город на холме» постигла не отвечающая его историческому призванию нравственная деградация и пытаются ее остановить.

Если либертарианцы выдвигают на первое место экономику, то неоконсерваторы — политику, а Южные консерваторы — психологию, строй человеческой души. Последние, по моему убеждению, правильно понимают *principia*; другое

дело, как они их раскрывают. В этом вопросе среди самих Южных консерваторов за последние годы произошел раскол: традиционалистов вытесняет новое, гораздо более радикальное направление консерватизма.

Чтобы понять это явление, надо обратиться к тому, что происходит в лагере, называющем себя либеральным.

«Голливуд — враг Америки»

За последние сорок — пятьдесят лет либерализм в его прежнем понимании чем дальше, тем больше подменяется (о чем мне уже приходилось писать, в частности, в «Дружбе народов») неомарксизмом или, что то же, культурмарксизмом. «Классический» либерализм постулировал равенство граждан перед законом и свободу выбора для всех и каждого — но в определенном религиозно-культурном поле. А неомарксизм посчитал правильным, чтобы каждый создавал вокруг себя свое собственное поле, исходя из своих личных, интуитивно-телесных побуждений.

Рассадником неомарксизма стали университеты, главным образом университеты Новой Англии, традиционная кузница элитных кадров. Теперь здесь куются, по сути, кадры контрэлиты. Не будет ничего удивительного, если портреты отцов-основателей, еще висящие здесь, вскорости заменят на портреты «классиков» неомарксизма — Теодора Адорно, Герберта Маркузе, Макса Хоркхаймера и примкнувшего к ним (в сознании последователей) Вильгельма Райха; за образец можно взять четыре наложенных друг на друга профиля, которым когда-то поклонялись в СССР. Чуть пониже можно найти место еще и для французского «квартета» постмодернистов: Фуко—Лиотар—Деррида—Делёз. Педагогические, они же исследовательские, коллективы этих и большинства других университетов (два поколения «детей 68-го года», третье уже на подходе) заняли круговую оборону, стараясь не допускать в свою среду инакомыслящих. Лишь немногие университеты, главным образом на Юге, сохраняют консервативное, оно же традиционно-либеральное направление.

Университеты, «отрекшиеся от старого мира», главным и непримиримым своим врагом объявляют христианство. Неомарксисты заявляют, что христианство представляет собою такое же зло, как и... фашизм. Потому, дескать, что в обоих случаях имеет место подавление естественных склонностей человека. В этом утверждении одна ложь наступает на другую. Фашизм подавляет некоторые естественные склонности человека, но поощряет другие. Христианство поступает так же, только оно подавляет те склонности, которые фашизм поощряет, и поощряет те, которые фашизм подавляет. Но само уподобление христианства фашизму говорит, какую ненависть вызывает оно у «детей 68-го года».

Даже сугубо личное исповедование христианства, никак не прокламируемое и не влияющее на исследовательскую работу (что в цикле естественных и точных дисциплин чаще всего и бывает), считается теперь предосудительным.

На стороне университетов выступает и Верховный суд или, во всяком случае, большинство его членов. Его решениями христианство всех конфессий методически вытесняется из общественной жизни. В школах запрещаются общие молитвы и даже молитвы «про себя» перед едой (к чему до сих пор каждый второй школьник привыкает в семье). Не поощряются нательные крестики, зато

приветствуются языческие амулеты. Изгоняются рождественские елки и мелодичные рождественские песнопения, такие как «Angels We Have Heard» («Ангелы, к нам весть дошла») или «Winter Wonderland» («Зимняя страна чудес»), популярные не только в Америке, но и во многих других странах; точнее, они загоняются в частные жилища. Считается, что на стогнах городов им теперь не место и чем скорее они оттуда исчезнут, тем лучше.

В «Ночи перед Рождеством» Гоголя черт украл луну, и то лишь на время. А Верховный суд в Вашингтоне пытается «украсть Рождество» со всеми присущими этому празднику (главному христианскому празднику на Западе) атрибутами.

А вот откровенный сатанизм, поклонение дьяволу не встречает никаких административных препятствий; я, во всяком случае, ничего об этом не слышал. Какие-нибудь поп- или рок-группы упоенно прославляют дьявола, призывая убивать, насиловать и разрушать, каковые призывы сопровождаются изощренной бранью и похабщиной. Поклонники такого рода представлений утверждают, что не надо принимать их слишком всерьез, что все это только «игра». Так ли? Слишком часто складывается впечатление, что здесь не «игра», а глубокое убеждение. Но даже если это «игра», зачем она? Как говорит русская пословица, не с доброго умысла злы коренья копают.

Один из идеологов рок-музыки пишет, что она (вообще рок-музыка, а не только та, что ставит целью прославление дьявола) приучает слух к «звуку ярости». Против кого будет направлена ярость, видимо, зависит от обстоятельств.

Подробнее следует остановиться на теме Голливуда. Это самый сильный «игрок» в поле culture wars, самый изощренный «ловец человек» в нынешних обстоятельствах. В Антихристианской лиге, назовем ее так, — это ударная сила.

Голливуд — своеобразное поселение на склоне горы Маунт-ли близ Города ангелов называют иногда, по созвучию, Holy Wood, Священный лес. Лучше было бы: Очарованный лес, или Заколдованный лес. Хозяин в нем — Лесной царь, что «сверкает очами меж темных ветвей» (так, кажется, у Гёте). И он не только отнимает младенцев у их отцов, но и отцов отнимает у младенцев.

Необходимо задержаться у экрана, чтобы вынести некоторые непосредственные впечатления о том, что снимают в Голливуде на интересующую нас тему.

Американские издания подразделяют выпускаемые Голливудом фильмы на «христианские» и «антихристианские». Разумеется, последних оказывается подавляющее большинство. Такое подразделение выглядит упрощенным, порою даже несколько топорным. Есть фильмы, которые трудно отнести к той или иной категории — о них правильнее сказать, что они отражают духовную ситуацию; часто как раз именно эти фильмы оказываются наиболее интересными.

А что в Голливуде все еще выходят и «христианские» фильмы, не должно удивлять: на склонах горы Маунт-Ли или где-то близ нее (я имею в виду производственную «близь») существуют более или менее независимые продюсеры и дистрибьюторы, позволяющие себе идти вразрез с «генеральной линией». Примером может служить «Жена проповедника» Пенни Маршалл (1996) — о праздновании Рождества в провинциальном городке. Это добрый, без сусальности, фильм, с замечательной исполнительницей госпелов Уитни Хьюстон в главной роли. Кстати, снимался он на Юге, в Джорджии.

Еще пример: «Боги и генералы» Рональда Максвелла (2003) — о Томасе

Джексоне по прозвищу Каменная стена, самом знаменитом генерале Конфедерации после Роберта Ли. Не знаю, каков был подлинный Джексон, но в фильме создан образ идеального христианского военачальника на все времена, никогда не забывающего о заповедях любви и вместе с тем вынужденного убивать. Опять-таки, не знаю, принадлежит ли эта фраза историческому Джексону, но в любом случае она делает честь тому, в чьей голове родилась: «Не так уж важно, кто победит, потому что в конечном счете победит Бог». Кстати, отношение к северянам в фильме вполне лояльное.

К числу «христианских» отнесен фильм «Погоня с дьяволом» Энга Ли (1999). Это великолепная, в чисто художественном отношении, картина Гражданской войны (показанной на партизанском «фронте»), подтверждающая мнение классика киновестерна Джона Форда (северянина), что фильмы о Гражданской войне надо снимать с позиции южан.

К «христианским» отнесен и фильм Питера Хьюита «Том и Гек» (2000), даром что автором его литературного первоисточника (фильм снят близко к его тексту и духу) является великий насмешник и скептик. И без шпилек в адрес религии (они сохранены и в фильме) он не обошелся: молитва наводит на Тома и Гека тоску, певчие в церкви хихикают и шушукаются во время службы и т.п. Но Том и Гек о б л у ч е н ы христианством: они не могут совершить ничего настоящего дурного, хотя обожают разного рода авантюры и в мыслях своих даже видят себя пиратами или разбойниками. Недаром два веселых мальчика, два неисправимых романтика надолго стали любимыми героями американцев. И не только американцев. Уже взрослая Марина Цветаева сохраняла свои к ним теплые чувства:

О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О, золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий.

Да и городок, где живут Том и Гек, скорее располагает к себе: здесь случается, что от чужой беды у всех все валится из рук. А ведь это Юг периода расцвета рабовладения (примерно 40-е годы XIX века). Конечно, у «старого Юга» были и совсем другие лица. Но ведь и такое было тоже.

Редки, однако, «христианские» фильмы. Куда больше тех, что «анти». Принципиальный фильм — «Народ против Ларри Флинта» Милоша Формана (1996). Ларри Флинт — реальное лицо, основатель и владелец порнографического журнала «Hustler». Фильм — оправдание порнографии. Ларри вышел из низов, это простяга, твердо знающий две вещи: что Бог создал мужчину и женщину, «и значит» благословил все, что может между ними произойти; и что существует Первая поправка к Конституции, гарантирующая свободу печати. Ему невдомек, что создание мужчины и женщины Бог сопровождал некоторыми соображениями по поводу их отношений, а свобода печати, да и вообще любая свобода — «парное» понятие (как правое-левое, верх-низ и т.п.) и обретает позитивные смыслы лишь в том случае, если замкнута на несвободу (силу авторитета, общественного интереса и т.п.); в противном случае она «болтается в воздухе», не ведая, куда приткнуться.

«Христианский террор закончился», торжествует Ларри, и да здравствует «место, где любят извращенцев» — Голливуд. Но так как публика в целом сильно

«отстала» от Голливуда в любви к извращенцам, авторы фильма делают своего героя сентиментальным однолюбом: у него постоянная связь с одной из его потаскух. Хотя такая его «моногамия» выглядит не очень убедительно, иного зрителя она способна подкупить: раз уж сам Ларри в своих интимных чувствах «правильный», стоит к его идеям прислушаться и к его журналу присмотреться.

«Атаке снизу» подвергся сам Христос в фильме Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа» (1990). В этом фильме Он возлег с женщиной. Христос здесь — никакой не Бог, просто человек, притом слабый, легко поддающийся искушениям, боящийся всего на свете: «Мой бог — страх», признается он. Когда-то Скорсезе считал себя католиком и даже собирался стать священником, но потом разуверился и, вероятно, в образ Христа вложил самого себя, одного из слабодушных «малых сих». Охочим до женского пола представляется Христос и в фильме «Код да Винчи» Рона Хобарда (2006). Это вытекает из того, что у Него, «как выясняется», были дети. Фильм, как и роман Дэна Брауна, по которому он поставлен, полон вздорных вымыслов и призван увлечь зрителя последовательностью раскрытия каких-то скучных «тайн». Заодно оболгана вполне почтенная организация «Opus Dei», предстающая как сборище фанатиков и бестрепетных убийц.

Еще один вариант «атаки снизу» готовит Пол Верховен в фильме, который должен выйти до конца нынешнего (2013) года. Объект атаки здесь — Дева Мария: ее насилует римский солдат, который таким образом становится подлинным отцом Иисуса. Наверняка этот фильм кому-то покажется остроумным, и кто-то будет ему бешено аплодировать.

В несколько ином роде «сюрприз» готовит Джеймс Камерон. Он где-то прочел, что в Святой земле якобы найдены подлинные останки Христа вместе с членами Его семьи, и намерен снять на эту тему фильм с «закрученным» сюжетом, который, как он надеется, «потопит» христианство, подобно тому, как он, Камерон, потопил «Титаник».

Грубо искажается роль христианства в фильмах на исторические темы. Таковы, к примеру, «Царство небесное» Ридли Скотта (2005), нагромождение клеветы — на крестоносцев в целом, на тамплиеров в частности, и в особенности — «Время ведьм» Доминика Сена (2011), где один из Темных веков, именно XIV, изображен таким, чтобы никому не захотелось ненароком туда попасть. К сложной, драматичной истории Европы прилагаются расхожие политкорректные мерки, отчего в проигрыше оказываются не средневековые рыцари и монахи, давно упокоившиеся и принятые (или не принятые) в Царство небесное, а современные зрители, оторванные от своей реальной истории.

Антихристианская тема переплетается с традиционной антиюжной, как в «Соломенных псах» Рода Лури (2011). Режиссер из Голливуда приезжает со своей женой на ее родину, в маленький южный городок. Постепенно их окружает глухая враждебность внешне приветливых обывателей. Причиной тому, во-первых, всеобщая неприязнь к Голливуду и, во-вторых, тот факт, что режиссер «забывает» ходить в церковь. В определенный момент враждебность прорывается: парни, набивающиеся режиссеру в друзья, все как один оказываются мерзавцами — они насилуют его жену и пытаются убить его самого. Важное обстоятельство: все мерзавцы — прихожане местной баптистской церкви. Фильм заканчивается большим пожаром и тревожной музыкой, как бы обещающей распространение пожара. (Есть в нем, однако, любопытный обмен репли-

ками. Режиссер-атеист говорит о защитниках Сталинграда: «Они не верили в Бога» — подразумевая «что не мешало им победить». И слышит в ответ от своего оппонента: «Зато Он верил в них».)

Но как я уже сказал, интереснее других часто оказываются фильмы, просто отражающие духовную ситуацию. «Будь что будет» Вуди Аллена (2009), как и некоторые другие картины этого известного режиссера и актера, внушают зрителю (привожу слова героя), что «мир — дикий, жестокий, бесполезный, темный хаос». Такой взгляд можно назвать стихийным гностицизмом, в смысле ощущения, что мир сей оставлен Богом. Этому злему миру герой Аллена противопоставляет посильное наслажденчество, устраивая свой маленький «пир во время чумы». В других фильмах герои находят иные «решения».

Прот. Александр Шмеман, много лет проживший в Америке, писал: «Неверно говорить: американец «не глубок». Он так же глубок, как и все люди, только, в отличие от других, он *не хочет* глубины, боится ее и ненавидит ее»⁷. Эти строки написаны лет тридцать или сорок назад. С тех пор американцы, похоже, чаще стали заглядывать «в глубину», что приводит иногда к неприятным сюрпризам. Какой-нибудь тихоня-школьник, заглянув «в глубину», видит там одни страшные хари и не находит ничего другого и, потрясенный этим открытием, берет оружие, идет в школу и расстреливает всех, кто ему там попадется. Потом штатные психологи доискиваются, что «не так» было в жизни юноши, что побудило его совершить столь страшный поступок. Невдомек им, что под определенным углом зрения — «все не так». Откуда и рождается настроение, которое можно передать словами Ивана Карамазова: «Кубок об пол!»

Зато именно эта мысль приходит в голову двум полицейским, дежурящим на улице ночного города в фильме «Легион» Скотта Стюарта (2010). Этот «дерьмовый город», рассуждают они, следовало бы уничтожить с концами и начать на его месте совсем новую жизнь. То, что происходит дальше, — страшновато, но не интересно. Интересен здесь только провокационный зачин.

А вот незаурядный фильм «Боже, благослови Америку» Бобкэты Голдсуэйта (2011) стоит досмотреть до конца. В некотором смысле это парафраз набобковской «Лолиты»: мы видим здесь союз тринадцатилетней девочки «из нормальной семьи» с мужчиной в возрасте примерно Гумберта Гумберта. Но соединяются они не ради любовных утех (отношения между ними остаются вполне целомудренными), а для того лишь, чтобы убивать. Не абы кого, но определенных людей — тех, кому, на их беглый взгляд, не стоит жить на этом свете. В число последних попадают и «сучки с телевидения», и чересчур развязные молодые люди, и те, кто демонстрирует аффектированный «патриотизм»; в финале картины парочка проникает в Голливуд и расстреливает там «звездное» шоу. Здесь же герой успевает сказать свое последнее слово перед тем, как его самого вместе с девочкой расстреливает полиция: «Америка стала местом жестокости и порока. Больше нет ни всеобщего чувства достоинства, ни чувства стыда, ни представления о добре и зле. Мы подражаем худшим человеческим качествам, прославляем их. Мы становимся нацией цепких слоганов, желчных циников и торгашеской ненависти. Мы потеряли душу».

Один критик назвал фильм «стрельбой по безбожной Америке». Другой — «репетицией джихада, который готовят христианские фундаменталисты». Герой, действительно, своеобразный моралист — точнее, это «маленький человек», «Джо с улицы», в котором однажды пробудилось смутное чувство должно-

го; но нигде он не отождествляет себя ни с христианскими фундаменталистами, ни вообще с христианами. Напротив, выказывает пренебрежение к «религиозным задницам».

«Христианские фундаменталисты» или те, кто себя так называет, прибегают к террору в фильме «Красный штат» Кевина Смита (2007). Это изуверская секта, распространяющая объявления о сексуальных услугах и тех, кто на них купился, уничтожающая тем или иным способом. Как будто очевидное злодейство, отношение к которому может быть только однозначным. Но тут есть одно «но».

Томас Манн писал, что в кино правит «демон физиогномики и телесности». Так вот, у сектантов, за исключением разве что одного из них, хоть и угрюмые, но честные лица. А трое юношей, явившихся за сексуальными услугами, выглядят довольно гадкими. Очень несимпатичными выглядят полицейские, штурмующие церковь, где засели сектанты, подобно нашим когдаточным раскольникам, «умиравшим за азь», обрекающие себя на верную смерть. Иному зрителю в пору засомневаться: чьей стороне здесь следует отдать предпочтение?

Лукавый Тарантино, хорошо чувствующий конъюнктуру, снимает новый фильм, который готовится выпустить к осени 2013-го — «Иисус, сошедший с креста». Я видел трейлер к этому фильму: воскресший Иисус, самолично отодвинувший камень от своей гробницы, выходит оттуда... с автоматом и расстреливает окруживших его римских воинов; потом убивает Иуду и еще кучу какого-то народа. Предвижу, сколь различны будут отзывы на этот очередной «шедевр». Верующие люди, естественно, найдут его кощунственным. Противники христианства увидят здесь предупреждение о якобы изначально присущей ему агрессивности. Найдутся, однако, и такие «христиане», которые кощунственный «вброс» Тарантино найдут логичным: разве не говорил сам Христос, что «не мир, но меч» принес он в мир сей? (Кстати, из гробницы Он выходит вооруженным не только автоматом, но и саблей.)

Следующие два фильма касаются непростого вопроса бытования религии в атмосфере современной культуры. Первый из них — «Грустный как джаз» Стивена Тейлора (2012). Юноша из Техаса, воспитанный Южной баптистской церковью, едет в противоположный конец Америки, в Портленд, чтобы поступить в ультралиберальный лицей. Это один из тех вузов, о которых говорят, что время обучения в них — не начало взрослости, но продолжение детскости. Здесь в почете фрики, а не ботаники, здесь царит атмосфера дурашливости и постоянной карнавальности; бросается в глаза «легкость в мыслях необыкновенная» у всех и каждого. О религии как будто не говорят серьезно: даже Рождество здесь «празднуют» под девизом «Положи Христа обратно в ясли». Забыв о вчерашних наставлениях, всю эту необычную для него жизнь юноша принимает с доверчивостью Кандида. Но потом оказывается, что и здесь кое-кто о Боге все-таки помнит; эти «кое-кто» «спрятали» его внутрь себя. Именно с такими однокашниками юноша в конце концов находит общий язык. Фильм — не антихристианский, но антицерковный.

«Цена страсти» Мэтью Чэпмена (2011) — о любовном треугольнике, трагически разрешающемся гибелью одного из персонажей. Что здесь интересно, так это Постоянный диалог, который ведут атеист (это он кончает самоубийством) и христианин. Подобно «русским мальчикам» былых времен, в любых обстоятельствах готовых обсуждать «вечные вопросы», эти двое не устают говорить о существовании (или несуществовании) Бога. Поскольку автор фильма

атеист, то и выигрывает в споре за некоторым преимуществом атеист. Христианин-фундаменталист слишком риторичен и потому недостаточно убедителен. Наивно-неуклюжим выглядит вопрос, адресованный им самому себе (и вообще нередкий у протестантов): «как бы поступил на моем месте Христос?» Фигура Христа — это Невероятное, это осуществившееся Невозможное; нельзя помещать Его в бытовую обстановку и смотреть, «что из этого выйдет». Надо самому догадываться, как должен вести себя христианин в тех или иных обстоятельствах. К.С. Льюис сказал, что христианство подобно солнцу: на него нельзя смотреть, но в его свете видно все остальное. Наверное, то же самое можно сказать и о Христе.

Определенную роль в спорах о вере играет «музыкальный момент». В фильме «Рок на века» Адама Шенкмана (2012) сталкиваются рок-группа, играющая в клубе, где каждый вечер собирается толпа расхристанных рокеров, стриптизеров etc., и команда «лицемерных христианок» во главе с женой мэра, «старой занудой», пытающейся этот клуб закрыть. Победа остается за рокерами, когда у жены мэра ноги сами начинают двигаться в ритме рока. Что-то похожее происходит в необычно жестокой для Андерсена сказке «Красные башмаки», но там хоть ангел останавливает произвольный танец. (Жаль здесь некоторых актеров: Кэтрин Зета-Джонс рождена для ролей, в которых некогда блистали такие актрисы как Грейс Келли или Оливия де Хэвилленд, и менее всего подходит для роли «старой зануды»; и Питер Крус, играющий главного из расхристанных, куда лучше смотрится в ролях благородных героев, которые ему изредка выпадает играть.)

Фильм «Гончий пес» Деборы Кампмайер (2007) можно было бы посчитать «ответом» на фильм Шенкмана, если бы он не был снят раньше. Действие разворачивается на Глубоком Юге в конце 50-х годов прошлого века. Девочка-пострел лет тринадцати, дочь бедных фермеров, раскрыв рот смотрит, как поют и паясничают негры, и сама поет «как Элвис», которого обожает (могу понять: меня тоже увлек Элвис Пресли в те же самые годы). Пропуская мимо ушей слова священника, что рок-н-ролл — «от семени дьявола». Сюжет выстраивается таким образом, что именно увлечение роком заводит девочку в ловушку, где ее жестоко насилует один из фанатов Элвиса (белый). Пытаясь ее утешить и поддержать психологически, сосед, пожилой негр, говорит: рок — из нашего, негритянского колодца, но это поверхностная музыка, если заглянуть глубже, ты найдешь там блюз, а вот он передает всю глубину, и полноту, и тоску жизни. И учит ее петь блюз. Интересно, с чего он начинает обучение: надо, говорит он, воздерживаться от любых телодвижений, стоять спокойно, «не дергаться» — только так, без «трясучки», поется «настоящая музыка». Еще важная тема — знаменитый «обезьяний процесс» 1925 года (состоявшийся в городе Дейтоне, штат Теннесси, процесс, где судили учителя Дж. Скоупса за то, что он преподавал в школе теорию эволюции Дарвина). На эту тему в Голливуде снято по меньшей мере шесть фильмов, из которых я посмотрел четыре. Самый известный — уже давнишний «Пожнешь бурю» режиссера-классика Стэнли Крамера (1960).

«Дарвин против Иеговы» — так охарактеризовал процесс один из его участников. В фильме Крамера «демон физиогномики и телесности» работает исключительно на защитников Дарвина. Обаятельный пожилой Спенсер Трейси, выступающий в роли адвоката учителя и сам молодой симпатичный учитель

сильно выигрывают в глазах зрителя в сравнении с типичным «бурбоном» (который, между прочим, жадно что-то ест в неподходящие моменты — один из признаков отрицательных персонажей), защищающим «Иегову», и выступающей в его поддержку «косной» толпой местных жителей.

Но вот странность: «косная» толпа южан дружно поет знаменитый религиозный гимн в маршевом ритме «Glory, glory, Halleluiah!» (вот его начальные строки: «Слава, слава, аллилуйя! Бог шагает с нами...»), который был написан в самом начале Гражданской войны и с которым с е в е р я н е шли в бой против южан. Это похоже на тур в танце па-де-катр, когда меняются партнерами. И еще неожиданность: выиграв дело, Спенсер Трейси, то есть его персонаж, говоривший перед тем, что «прогресс науки важнее всех хождений по воде», покидая «поле боя», грустно вздыхает и уносит с собою две книги, сложенные воедино, Библию и «Происхождение видов». И еще раз тихо звучит «Glory, glory...»

Умный Крамер понимает, что в христианской стране (а Америка была тогда хотя бы номинально таковой) пропагандировать научные исследования можно, но так, чтобы они не ущемляли религиозных убеждений. И он оставляет для них своего рода охранную зону — сентиментальных привязанностей, куда не должен проникать цинизм, который, как он это признает, способна породить теория эволюции. Само название фильма говорит об опасности безоглядного распространения научных знаний — оно взято из «Книги притчей Соломоновых»: «Посеешь ветер — пожнешь бурю». При всем том объективная и с т и н а, как явствует из фильма, целиком остается достоянием науки.

Фильм Крамера возымел целых три ремейка: Дэвида Грина в 1988-м, Дэниэла Петри в 1999-м и телевизионный сериал в 2006-м. Последний мне не удалось посмотреть, но что касается первых двух, то они ничем существенным не отличаются от оригинала. Кроме одной детали: манифестирующая на улице толпа по-прежнему поет «Glory, glory...», но в конце фильма, в функции его смыслового завершения эта мелодия уже не звучит: в Голливуде уже сложилось твердое предубеждение против всех и всяческих религиозных гимнов.

Совершенно по-новому осветил «процесс века» Томас Хайнс в фильме 2011 года «Предполагаемое» («Alleged»). Демон, о котором писал Томас Манн, здесь работает скорее против Дарвина. Молодой учитель защищает теорию эволюции в корыстных целях: он хочет устроиться на работу в газету «Baltimore Sun», которая эту теорию энергично продвигает. А главный редактор газеты Г. Менкен (историческое лицо, известный популяризатор дарвинизма) показан как пьяница и развратник. Нельзя сказать, чтобы фильм защищал креационизм, но он определенно дискредитирует эволюционизм. На счет Дарвина относят и насильственную стерилизацию, и веру в выживание сильнейших, и другие неприятные вещи. Фильм отразил разуверенность в науке: рядовой зритель все больше верит в чудеса, только не те, что прописаны в Библии, а те, что материализовали из ветра главы своей фантасты и всякого рода лжеученые; подлинно научные теории им «до лампочки».

Вероятно, еще не один фильм будет снят об «обезьяннем процессе» — слишком важна тема. Сейчас верующие и атеисты схватываются по ряду частных вопросов: об абортах, об использовании стволовых клеток, об однополых браках и некоторых других. Но решение всех этих вопросов зависит от того, кто овладеет Главной стратегической высотой, где решается двуединый вопрос о происхождении мира и происхождении человека. Не будет преувеличением

сказать, что здесь именно определяется будущее всей цивилизации, по инерции до сих пор именуемой христианской.

Для каждой из спорящих сторон задача не в том, чтобы столкнуться с означенной высоты другую сторону, а в том, скажем так, чтобы найти способ сопряжения с нею. Теория эволюции Дарвина кое в чем уже сейчас признана ошибочной, но самый факт эволюции отрицать невозможно. С другой стороны, библейская история Творения (Шестоднев), прибегающая к символическому языку, остается для верующих бесспорной. Сколь ни невероятным это может показаться, но согласовать два взгляда, научный и библейский, можно; кое-какие наметки в указанном направлении существуют уже сейчас (к сожалению, я не могу здесь говорить об этом подробнее). Задача это труднейшая, но и интереснейшая. Надо надеяться, что в следующие десятилетия лучшие умы возьмут на себя ее решение. Только, конечно, не средствами кино.

Все фильмы, о которых я только что говорил, относятся к категории «А», как ее до сих пор называли (сейчас вроде бы называют как-то иначе), то есть относительно более высокого художественного уровня. Наряду с ними ежегодно выходят сотни фильмов категории «Б»; их показывают преимущественно по телевидению. Есть трудяги-критики, которым *ex professo* приходится смотреть если не все, то большую часть этих фильмов. Воспользуюсь их выводами.

Главный из них: Голливуд повел широкомасштабную войну против христианства.

Напомню, что история кино как искусства ведет отсчет с фильма Дэйвида Гриффита «Рождение нации» (1915). Это была «песнь» о христианской Америке и о «старом Юге» как лучшей его части; в отношении последнего Гриффит даже перебрал, взяв под защиту Ку-клукс-клан. Тем не менее, северные либералы проглотили даже малоприятные для них вещи, ибо дух воинствующего христианства, коим был пронизан фильм, не был чужд и им тоже. Сам президент Т.В. Вильсон, патентованный прогрессист, назвал его «историей при свете молний».

Но вообще-то посещение кинематографа длительное время рассматривалось как развлечение. Лишь ближе к концу 20-х годов кое-кто стал задумываться, какое влияние оказывает он на души зрителей. В 1929-м Фонд Пейна заказал трем университетам специальные исследования на эту тему. Спустя три года три университета пришли к выводу, что кино развращает молодежь. Под давлением религиозных организаций Ассоциация производителей и прокатчиков в 1932 году приняла так называемый кодекс Хейса, налагавший на производителей некоторые ограничения нравственного порядка. В частности, запрещалось изображать священников в неприглядном или комическом виде. Отныне если на экране появлялось духовное лицо, оно сразу внушало доверие зрителю; недаром в соответствующих ролях выступали такие вызывавшие расположение к себе актеры как Бинг Кросби и Спенсер Трейси, и даже Кларк Гейбл и Ричард Уидмарк, обычно игравшие героев-ковбоев.

Это не была цензура в собственном смысле слова, скорее самоцензура: снимать можно было все что угодно, но в этом случае возникали трудности с прокатом. Кодекс Хейса не нанес ущерба американскому кино, как раз наоборот: в начале 30-х начинается период, протянувшийся на три десятка лет, который принято называть золотым или классическим веком Голливуда.

Но в начале 60-х от кодекса Хейса стали откусывать отдельные части, а в

знаменательном 68-м отменили его целиком. Теперь Голливуд получил возможность «оттянуться» на священниках и вообще на христианах. И замелькали на экране «идиоты со средневековым мышлением», «фанатики», «лунатики», «лицемеры», «изуверы», иногда откровенные негодяи, убийцы, мошенники, не знающие удержу корыстолюбцы, в иных случаях сладострастники и растлители малолетних. Весь запас атеистической пропаганды, накопленный за минувшие три столетия, был вылит на экраны. Грубо исказилось содержание христианства — и это по большей части теми, кто заканчивал хотя бы воскресные школы. Такое впечатление, что для написания сценариев, в которых затрагивалась религия, теперь привлекали одних только недоучек и прогульщиков.

Чего стоит хотя бы распространенное обвинение христиан в «человеконенавистничестве»! Они, дескать, ненавидят самих себя и заодно всех остальных. На самом деле христианин отказывается любить в себе пороки и просто, скажем так, душевную слякоть. И отказывается любить эти качества в окружающих его. И совсем другие вещи считает достойными любви.

А вот наивный лозунг 68-го года «Делайте любовь, а не войну» (что означало: «вступайте в любого рода половые отношения и да воцарится мир на Земле!»), поразивший воображение молодых, а то даже и не так уж молодых людей, как раз повел к очень заметному ухудшению человеческих отношений. Еще древние знали: Эросу всегда сопутствует Эрис (она же Эрида), богиня ненависти. В Новое время Фрейд подтвердил: эрос, когда слабеют узы, налагаемые на него культурой, пробуждает инстинкт разрушения и смерти. Вольно было Вильгельму Райху, считавшему себя учеником Фрейда и ставшему одним из кумиров культурных революционеров 68-го года, провозгласить «освобождение пола» — всех последствий этого «революционного» акта ни он, ни его последователи не просчитали.

Насколько изменились в худшую сторону нравы, свидетельствует (еще раз обращусь к опыту кино) фильм «Плезанвилль» Гэри Росса (1998). Показывая американскую глубинку конца 50-х, авторы не ставили целью ее идеализировать, иногда даже напротив, и все равно здесь есть на чем отдохнуть глазу: доброжелательные юноши и смешливые девушки, кстати, очень напоминающие их советских сверстников и сверстниц. Удивительное дело: Время властвует по обе стороны железного занавеса. А вопрос одной из местных дам, матери семейства, «что такое секс?» достоин стоять рядом с известной и многожды осмеянной репликой «в СССР секса нет».

«Сексуальная революция», которую с подачи «передовых» университетов стал продвигать Голливуд, означала, ни много ни мало, перекладку фундамента всей евроамериканской цивилизации. Основанной, как ни крути, на христианских началах. И на христианских представлениях о «тайне пола». Цивилизация эта, в лоне которой родились гетевский Вертер и (что гораздо ближе по времени и месту) фолкнеровский Гэвин Стивенс («сквозной» персонаж трилогии «Деревушка» — «Город» — «Особняк»), становится не просто чуждой, но и непонятной.

Одухотворение половой любви в христианском сознании сопряжено с представлением о высокой значимости семейных начал. Конечно, Эрос — существо крылатое, подверженное тем или иным веяниям эфира (без чего, например, невозможно было бы представить лунные забавы духов шекспировских коме-

дий), но в плотных слоях жизни — а без них она не может обойтись — крепость семьи возводится в идеал. Голливуд же этот идеал методически разрушает.

Убожество личных отношений (вообще личных отношений, а не только отношений между полами), которое можно видеть в девяти из десяти голливудских фильмов — результат «освобождения» от христианства.

«Христианский террор закончился» (ликует, как мы помним, Ларри Флинт в картине *Формана*), теперь все можно — в части телесных утех. А вот террор против христианства, пожалуй, только начинается. Журналист Дэвид Лимбо в книге «Преследования: как либералы воюют с христианством»⁸ пишет, что в Америке возродился маккартизм, только с другим знаком — теперь это «левый маккартизм». В Голливуде существует «черный список» режиссеров, сценаристов и актеров, замеченных в симпатиях к христианству — они подвергаются притеснениям или вообще не допускаются к съемочной площадке. Мел Гибсон, например, подвергся форменной травле за фильм «Страсти Христовы» (2004, где он выступил как режиссер), мастерски сделанный и более или менее соответствующий новозаветным текстам; и только высокий статус его как актера позволил ему остаться в голливудской «обойме». Другим режиссерам приходится прибегать к услугам независимых фирм с гораздо меньшими прокатными возможностями.

Оценивая сложившуюся ситуацию, пастор Сэмюэл Родригес обрисовал ее в образном выражении: «Император Нерон высадили в Америке».

На обложке книги Лимбо изображен крадущийся лев. Смысл картинка ясен. «Мы живем в эпоху Римской империи, — говорит Ларри Флинт, — пора скармливать львам христиан». Ему возражают, что львов осталось мало, а христиан еще слишком много. Положим, это всего лишь «черный» юмор, но перспектива тех или иных репрессий, направленных против христиан, вполне реальна.

Кое-кто из них уже забегает вперед и пытается представить, к чему репрессии приведут. Говорят, например, что многие отойдут от христианства, когда быть верующим станет и невыгодно, и непочетно. Есть и иные прогнозы. Так, писательница Долорес Лиснер, отвечая на вопрос корреспондента журнала «CP Politics» «Даст ли позитивный эффект преследование христиан?», говорит: «Безусловно... Преследования за правду дадут возможность истинным христианам показать, что они тверды в вере и не идут на компромиссы»⁹.

Бостонский профессор философии Питер Крейфт заглядывает еще дальше, в пугающую глубину времени. По его словам, «если Бог еще любит Церковь в Америке, Он скоро сделает ее маленькой и преследуемой, как Он поступил в древнем Израиле с целью ее сохранить. Если Он любит нас, он подрежет нас (в том смысле, в каком подрезают ветки. — Ю.К.) и мы будем кровоточить, и кровь мучеников еще раз станет семенем Церкви, и наступит вторая весна — но не без крови. Ибо не может она наступить без крови жертвы и страданий». И далее: «станет ли Америка банановой республикой, забудем ли мы Шекспира, или даже какой-нибудь ядерный террорист уничтожит половину человечества, важнее другое: будут ли наши дети и дети наших детей видеть Бога? Вот что поставлено на карту в игре "Голливуд против Америки". Вот почему мы должны пробудиться и уловить запах гниющих душ. Надо знать, что мы находимся в состоянии войны — это первое условие, необходимое для того, чтобы ее выиграть»¹⁰. Имя «Голливуд» здесь употребляется в расширительном смысле, охватывающем всю «индустрию развлечений».

Это суровый и жертвенный взгляд на положение вещей, достойный христианина, к какой бы конфессии он ни принадлежал. Но если исходить из сегодняшних реалий, не слишком ли автор драматизирует ситуацию? Христианская община Америки пока еще далека от того, чтобы стать «маленькой и преследуемой».

Пуритане возвращаются

Там строгая страна, уклад которой свят...

Роберт Фрост

Согласно последним данным, почти 80 процентов американцев называют себя христианами (правда, в конце прошлого века таковых было 90 процентов). Более половины из них посещают церковь, как минимум, один раз в неделю. Если судить по этим признакам, Америка пока еще остается «христианской страной».

Правда, значительная часть этих 80 процентов относит себя к так называемому либеральному христианству, что звучит довольно-таки противоестественно, ибо либерализм — это понятие из области политики и экономики, а к религии он не применим. Существует (в США, как и во многих других странах) свобода вероисповедания, но тот, кто связывает себя определенной религией, должен уважать все ее предписания, включая и запреты. А тот, кто следует классическому правилу императрицы Юлии Домны «Если нельзя, но очень хочется, то можно», вряд ли вправе считать себя христианином.

Более или менее твердым в своих религиозных устоях считается так называемый Библейский пояс — это Юг и отчасти Средний Запад. Но так было не всегда. Изначально, и до самой Гражданской войны, градус религиозности на Севере был выше, чем на Юге. И волны религиозных «обновлений» раз в несколько десятилетий возникали на Севере и оттуда уже, постепенно ослабевая, катились к Югу. К тому же на Юге существовала аристократия, которая, по свойству, вероятно, всех аристократий (по крайней мере, со времен Ренессанса) жила в атмосфере светской культуры, хоть и настоянной на христианских началах, но строгостей северного пуританства не приемлющей (уже первые джентри, приплывшие сюда в XVII веке, привезли с собой не только Библию, но и популярную тогда «Книгу развлечений»).

В период после Гражданской войны Север градуально секуляризовался, а Юг замкнулся в своем традиционализме, основу которого составляло местничество, а религиозность служила скорее наверху. Положение стало меняться в конце прошлого века: традиционализм, как уже было сказано, активно вытесняется чисто религиозным движением, которое называют по-разному, чаще всего — фундаментализмом или пуританством. Южный традиционализм можно назвать акмеизмом, в смысле, расширяющем это понятие до общего мироощущения; акмеизм — сосредоточенность на предметном окружении, «домоседство», по определению Мандельштама. А религиозное мышление, сохраняя живую связь с предметным окружением, в то же время возвышается до предельно отвлеченных понятий.

В конфессиональном отношении протестантская Америка представляет

собой довольно пеструю картину: здесь есть баптисты, пресвитериане, методисты и т.д. Но почти все они, по удачному выражению одного теолога, суть не что иное, как «экспериментальный кальвинизм», то есть по-своему интерпретируют или развивают те или иные положения первоначального кальвинизма. Сюда относятся, например, вопросы о соотношении природы и благодати, предопределения и свободы воли и некоторые другие. Но основная разграничительная линия проходит внутри самих конфессий — между «либеральными» христианами и фундаменталистами. Последних отличает неприятие секулярной культуры в ее нынешнем виде, подающей себя с экранов кино и телевидения.

Разграничительная линия проходит и внутри самого фундаментализма — между неопуританами и неокальвинистами. Для неопуритан задача личного спасения заслоняет все остальные; в этом они продолжают традицию а м е р и - к а н с к и х пуритан, высадившихся когда-то на диком берегу Нового Света. Позицию неопуритан выразил историк кино Уильям Романовски: «Жить в вавилонской культуре, но не принадлежать ей. Служить при дворе Навуходоносора, но не поклоняться его золотому идолу»¹¹.

А неокальвинисты продолжают традицию женевских кальвинистов и их последователей, английских пуритан, в атмосфере Старого Света ставивших перед собою задачу также и преобразования культуры. Иначе говоря, позиция пуритан vis-a-vis секулярной Америки является скорее оборонительной, а позиция неокальвинистов — наступательной. Впрочем, «внешние» не очень отличают их друг от друга, называя тех и других пуританами. Буду называть их так и я, делая исключения, когда это необходимо.

Следует отметить, что к пуританам тяготеют сегодня и многие католики. Не в догматических вопросах, но в вопросах морали и практической политики.

Численность всех тех, кого можно отнести к пуританам, по стране в целом составляет, по разным оценкам, от десяти до пятнадцати миллионов. Как будто не так много для страны с населением в триста миллионов; но сами пуритане, употребляя евангельские образы «квашни» и «закваски», считают, что для «закваски» этого достаточно. Пуритане есть во всех слоях населения, но преимущественно в небольших городах, где сохраняется относительно неторопливый ритм жизни и больше элементов прямой демократии.

Пуритане есть во всех штатах, но в основном сосредоточены на Юге. По отношению к Южному традиционализму они выступают скорее как революционная сила; хотя некоторая преемственность здесь сохраняется. В отношениях с Севером фундаменталистский Юг совершает, опять-таки, тур па-де-катр (если позволительно употребить легкомысленно-танцевальный образ применительно к тем серьезным материям, о которых идет речь): прежде волны религиозных «пробуждений» и «обновлений» катились с Севера на Юг, теперь они катятся в обратном направлении.

Чем было пуританство в прошлом? Некоторые из нынешних «либералов» называют его «протофашизмом», демонстрируя этим лишь свое невежество. Глубокие мыслители, от Алексиса де Токвиля до Г.П. Федотова, определили место пуританства в истории: оно стало школой одновременно демократии и теократии. Пуритане отвергли иерархию в любой ее форме, все вопросы оставив на усмотрение народного собрания. Но выше мнения народного был для них Закон Божий, на страже которого стояли опять-таки избранные собранием духовные лица — проповедники и диаконы (чьей обязанностью является читать

вслух псалмы). Да, это была теократия, притом весьма жесткая, требовавшая неукоснительного соблюдения Десяти заповедей, чему дала толчок крайняя распущенность, распространившаяся в определенных кругах ренессансной Европы (лютеранство, первым восставшее против католичества и утвердившее свободу личного духа, поначалу еще усугубило распущенность); пуритане исходили из того, что человек насквозь греховен, часто гадок, и потому следует его держать в ежовых рукавицах. С догматической точки зрения здесь была некоторая односторонность, а в ином аспекте пуританская теократия была, так сказать, избыточно демократична: в католичестве и в православии духовные лица проходят более строгий отбор и соответствующую подготовку.

В практическом плане эти «выходцы» из католицизма, как бы облачившие себя в броню, совершали удивительные вещи. Стало, например, общепринятым суждение Макса Вебера о том, что именно этика кальвинизма дала толчок развитию капитализма. Стефан Цвейг лично, естественно, от пуританства далекий, писал: «Великолепное, суровое, жестокое, не боящееся никаких лишений поколение мореплавателей и колонистов, захватившее и населившее новые континенты сначала для Голландии, потом для Англии, это поколение в основном пуританского происхождения; и это же духовное начало определило американский характер; все эти нации своими историческими успехами обязаны строгому влиянию проповедника-пикардийца...»¹². То есть Кальвина, который был французом из Пикардии.

Отцы-основатели Соединенных Штатов усвоили и провели в жизнь некоторые идеи английского и французского Просвещения, но следование Десяти заповедям почитали непреложным. Джефферсон писал, что самая большая опасность, которая может ожидать впереди американцев — «возвращение в век Борджиа». Известно, что семейка эта символизирует глубокую порочность значительной части итальянской аристократии в эпоху Ренессанса.

Так секулярность и религиозность установили промеж себя *modus vivendi*, сохранявшийся до самых недавних пор.

Сегодня рассадником всяческой скверны представляется Голливуд, а также некоторые другие *media* и некоторые (но при этом самые известные) университеты. Кто, однако, всем этим процессом «дирижирует» и существует ли вообще такой «дирижер»?

Консервативная печать различных оттенков постоянно возвращается к теме «еврейского засилья» в упомянутых учреждениях и в первую очередь в Голливуде. Пишут, что подобно тому как ранее евреи разрушили историческую Россию, так они теперь разрушают историческую Америку. Это чрезвычайно сложный и запутанный вопрос, с ответом на который не следует торопиться, как и вообще с вопросом о роли евреев в европейской и мировой истории.¹³ Пока что можно констатировать, что секулярный универсализм (марксистского типа в России, неомарксистского или мультикультурального типа в Америке) сам по себе из еврейской крови, так сказать, не вытекает; ибо он есть продукт европейской, то есть христианской по своему происхождению цивилизации. И если что вытекает из еврейской крови, то это иудаизм, в разрушении исторической России или исторической Америки неповинный.

Более того, иудаисты, наряду с пуританами, — в числе наиболее решительных обличителей пороков, источником которых является, в частности, Голливуд; достаточно почитать таких известных кинокритиков, как Бен Шапиро и

Майкл Медвед (автор книги «Голливуд против Америки»). Еще один в этом ряду, раввин Дрезнер создает выразительную картину «языческой Америки», какой она стала за последние годы: «Андеграунд вылез наружу. Авангард стал человеком с улицы. Богема стала Бродвеем (в смысле "главной улицы Америки" — Ю.К.). Грязные шутки, когда-то принятые в притонах и некоторых ночных клубах, стали цениться в кино и на телевидении. Лас-Вегас — уже не город, а образ жизни»¹⁴. Виной всему этому — «голливудская шайка». Одно из самых тяжелых последствий, какие влечет власть этой «шайки» — разрушение семьи, в частности, и даже в первую очередь еврейской семьи. В конце прошлого века в США насчитывалось 6 миллионов евреев; если сохранится нынешний демографический тренд, к концу нынешнего века их останется 1 миллион. Вуди Аллена, который стал символом богемы, называют «главным предателем еврейского народа» и «вторым Гитлером»: тот уничтожил 6 миллионов евреев, а символический «Вуди Аллен» только в США убавит их число на 5 миллионов. Что ж, достаточно логично. Наверное, единственное, что может предотвратить столь печальный исход, это рост числа иудаистов, наблюдающийся в Америке за последние годы.

Со своей стороны пуритане, среди обличителей «еврейского засилья» не последние, в то же время вполне лояльно и даже не без некоторой симпатии относятся к иудаистам. Такова традиция. Ранних пуритан легко было опознать не только по усвоенному ими выговору в нос, но и по именам, которые они давали своим детям: все эти Бенджамены и Джонатаны, Эстер и Рахели, взятые из Библии, непривычно звучали для английского уха. Вряд ли будет преувеличением сказать, что они с головой были погружены в ветхозаветный мир. Конечно, они оставались в принципе христианами, но полагали, что обилием ссылок на Исход или Второзаконие они усиливают историческое измерение христианства и делают его более «фундированным». Переселяясь в Америку, они видели в себе, на манер израильтян, «избранный народ», открывающий для себя «новый Израиль». Это чувство духовного родства с «народом Библии» сохраняется до сих пор: в то время как светски мыслящие евреи все более охлаждаются к нынешнему Израилю, а некоторые «либералы» даже называют его «фашистским государством», пуритане грудью встают на его защиту всякий раз, когда это необходимо.

Такая на сегодня сложилась расстановка сил.

Существует, однако, и другое объяснение того, кто «дирижирует» в Америке насаждением скверн. Главный редактор Интернет-журнала «Alternet» Сара Робинсон выступила недавно со статьей, получившей широкий (и по большей части критический) отклик. Опираясь на исследования некоторых социологов, она пишет, что борьба за овладением Западом, которую вели элиты Севера и Юга до Гражданской войны, возобновилась в середине XX века, с началом ускоренной индустриализации Юга. И в этой борьбе южане одержали верх. По крайней мере все, что простирается к югу от 40 градусов северной широты (так называемая линия Мэйсон-Диксон, разделившая свободные и рабовладельческие штаты), принадлежит в основном им. Перлы в этом раздолье — Голливуд и Силиконовая долина.

Данный факт (если это факт) вызывает у Робинсон крайне негативную реакцию. Богатые, пишет она, вспоминая Фицджеральда, не только непохожи на нас с вами, они порой очень непохожи друг на друга. Элиты Северо-Востока, по ее

словам, еще сохраняют некоторые пуританские традиции — скромность, неприязнительность в быту, заботу об общественном благе (в пример приводятся Билл Гейтс и Уоррен Баффет). А южане, перебравшиеся на Запад, — наследники плантаторов, сохранившие их эгоизм и брутальность, равно как и вкус к роскошной жизни. Цитирую: «Элиты, в продолжение четырех столетий выжавшие из Юга все соки (не все. — Ю.К.), ...теперь сумели обыграть более демократичные и прогрессивно мыслящие северные элиты... Из-за этого тихого переворота Соединенные Штаты становятся увеличенным эквивалентом штатов Глубокого Юга...». И далее: «Мы живем в Америке, где хозяйничают наследники плантаторов»¹⁵. Вероятно, в этих утверждениях есть доля правды, но больше все-таки доля неправды. Пуританские нравы, даже в остаточном их выражении, вряд ли так уж характерны для Северо-Востока. Еще больше искажен коллективный портрет другой стороны. Грешно воскрешать старые клише о бессовестных плантаторах. Реальные плантаторы, как уже было сказано, равнялись на идеал джентльмена (далеко не у всех это получалось, но равнение было именно такое), брутальности никоим образом не предполагавший; «радости жизни» ценивший, но стремление к большому богатству считавший не «комильфотным». Другое дело, что в процессе разложения всякая аристократическая культура (как и всякая вообще культура) выделяет какие-то ядовитые продукты. В «Унесенных ветром» уже при первом появлении Ретта Батлера (в романе) его героиня замечает, что он «похож на Борджиа», и сам он признается, что «не джентльмен» (на поверку, впрочем, оказывается, что это верно лишь отчасти). В эпоху после Гражданской войны некоторый процент плантаторов сумел «вписаться» в капитализм и соответственно перестроился психологически. Но подлинным хозяином Юга становится невесть откуда взявшееся волчье племя «сноупсов» — сам Фолкнер сделал нарицательным существительным (в очерке «Миссисипи») фамилию персонажей ряда своих романов. Вероятно, это их наследники ныне «правят бал» в угодьях Калифорнии и Аризоны. И все же в чисто идеологическом отношении их влияние не может не быть ограниченным. Напомню также, что Запад — это и оплот либертарианцев, которые по-своему тоже выступают за моральное оздоровление, как они его понимают.

На мой взгляд, правы те наблюдатели, которые связывают «переоценку всех ценностей» с приходом идеологически выдержанной контрэлиты, проникшей духом неомарксизма и мультикультурализма и по степени идеологической одержимости не сильно отличающейся от раннесоветской контрэлиты. Ей удалось вытеснить (или основательно потеснить) прежнюю элиту, отмеченную печатью WASP (белых англосаксов-протестантов) с позиций, имеющих отношение к идеологии. Эта смена элит растянулась на годы и совершилась настолько «плавно», что многими осталась незамеченной.

В результате нарушилось сохранявшееся в Соединенных Штатах с момента их образования равновесие между секулярностью и религиозностью, уживавшихся друг с другом, «как Иаков и Исав во чреве Ревекки». Общество чем далее, тем более поляризуется. «Старая борьба, которая велась в Европе между Средневековьем и секулярным Просвещением, — пишет социолог Милан Зафировски, — продолжается и даже становится интенсивнее в Америке XXI века, где неопуританство развязало culture wars...»¹⁶. Замечу лишь, что историческое пуританство знаменовало собой скорее разрыв со Средневековьем, а новое, по крайней мере, в его неокальвинистской ветви, так вообще называет себя Новым

Просвещением. И справедливости ради надо заметить, что culture wars развязала все-таки другая сторона и что воинственность религиозников скорее ответная.

Бывший министр образования (US secretary of Education) в правительстве Рейгана Уильям Беннет пишет, что война, объявленная христианству, — «самая серьезная война в американской истории» за все время существования Соединенных Штатов. Интернет-журнал пуританского направления «The Voice» (в номере от 11.11.2012) пишет, что с «антиамериканскими силами» компромисс невозможен: «Мы находимся в состоянии войны: царство против царства, культура против культуры, ценности против ценностей, истина против лжи, свет против тьмы». Профессор университета в Беркли Дэвид Ромер: «Возможно, Америка напрямик идет к следующей гражданской войне. Многие игроки сегодня те же, что и тогда. Даже флаги те же. Неизвестно только, когда начнется Вторая гражданская война и чем кончится»¹⁷. Игроки, правда, не совсем те же. В ту войну аболиционисты пошли против Юга, ведомые не только идеей гражданского равенства, но еще не остывшим духом пуританства, который ее поддерживал, а сейчас пуританство возрождается как раз на Юге. Даже отношения рас на Юге складываются теперь более благоприятно, чем на Севере. На Юге почти не осталось «черных» гетто, какие существуют в северных городах. И если ранее многие негры переселялись на Север, то в последние два десятилетия переселенческий поток идет в обратном направлении.

Примечательно, что в 2011 году президентом Южного баптистского Конвента, самой многочисленной религиозной организации Юга и основного расадника пуританства, впервые в истории избран чернокожий — пастор Фред Лютер из Нового Орлеана.

Неопуритане Юга, так же, как и местные традиционалисты, при определенных условиях готовы выступить за сецессию.¹⁸ А вот неокальвинисты делают ставку на Соединенные Штаты в целом, которые изначально были единым «Городом на холме» (это «приватизированное» американцами выражение взято из Нагорной проповеди Христа¹⁹) и должны оставаться им — не так, как это понимали позднейшие экспансионисты (в частности, современные неоконсерваторы), но в том смысле, который вкладывали в это понятие первые кальвинисты-пуритане, претендовавшие стать духовным центром христианского мира, но не более чем.

Неокальвинисты отдают себе отчет, что «обратное завоевание» Соединенных Штатов является очень нелегкой задачей, учитывая, что оно должно вестись в поле культуры. Изначальный кальвинизм был также реакцией против культуры Ренессанса, смущавшей множеством соблазнов сердца, преданные Богу. Неуклонное соблюдение Закона Божьего, в глазах последователей «женевского папы», требовало отказа от всякого рода «сомнительных увлечений и развлечений», от прелестных, но и прелестных излишеств.²⁰ К числу «сомнительных развлечений» были отнесены даже крестьянские песни и пляски; то есть в принципе они допускались, но мужчины и женщины должны были петь и плясать отдельно друг от друга. Неудивительно, что на сторонний взгляд кальвинисты, они же пуритане выглядели мрачноватыми фанатиками, не способными прочувствовать «радости жизни».

Лично Кальвин не был культурно ограниченным человеком. Кстати, в 2009 году отмечалось пятисотлетие со дня его рождения, что дало повод появлению

множества публикаций об этом человеке, оказавшем столь исключительное влияние на всю позднейшую евро-американскую историю; и заодно хотя бы чуть-чуть просветить невежественную массу, имевшую самые поверхностные и иногда прямо фантастические представления о нем (вот характерное суждение: Кальвин был «шотландцем XVIII века, который носил шляпу с пряжкой, сжигал ведьм и являлся ходячим "духом капитализма"»).

Реальный Кальвин был широко образованным человеком, любившим слушать мадригалы Палестрины и хорошо знавшим античную литературу, особенно Вергилия, чьи слова «Все на свете полно радости» не раз цитировал. У него есть любопытное замечание: если человек — актер на театре жизни, то Бог в таком случае — как бы зритель. Известная писательница и мыслитель, лауреат Пулитцеровской премии Мэрилин Робертсон (неокальвинистка по вероисповеданию) заключает из этих слов, что Бог-зритель не может не обращать внимания на эстетическую сторону представления, которое перед ним разворачивается. По ее словам, «если в жизни того или иного человека есть нечто по-своему прекрасное, это значит, что на него нашла благодать, даже если его поведение не отвечает требованиям строгой морали»²¹.

Мне довелось прочесть лишь отрывки из сочинений Кальвина, из них я вынес впечатление, что он испытывал колебания: ценил то прекрасное, что открыл Ренессанс в мире человеческого, и в то же время видел, как легко человек превращается в мерзопакостное существо. И склонился к тому, что его, то есть человека, необходимо «держат в шорах». Как это и предписано Десятью заповедями. (Напомню, что шоры — наглазники для лошадей, закрывающие им боковой обзор: применительно к человеку «зашоренным», в метафорическом смысле, правильно было бы называть взгляд, обращенный только вперед и не отвлекающийся по сторонам; что-то подобное блестяще демонстрирует Форрест Гамп в одноименном фильме Р. Земекиса.) Но задача «удержания в шорах» возлагалась им не на поставленный извне авторитет, но на общину верующих, где каждый наделен равными правами.

Настоящая на кальвинизме культура отнюдь не обязательно демонстрировала некоторую узость и монотонность. Влияние «жюневского папы» испытали выдающиеся поэты и писатели — от Маргариты Наваррской (не путать с «королевой Марго» Дюма) до Германа Мелвилла, от Роберта Бернса до Роберта Фроста. Без Кальвина, наверное, не было бы ни Робинзона Крузо, ни ричардсоновской Памелы (напомню, что романами Ричардсона зачитывалась пушкинская Татьяна), и уж, конечно, не было бы «бедного Ричарда» Бенджамена Франклина.

В наш век более чем сомнительных увлечений и развлечений продвижение кальвинизма в сфере культуры становится в большой степени проблематичным. Есть в неокальвинизме уклон, который можно назвать, по аналогии, «живоцерковным»: наиболее известный богослов этого направления Марк Дрисколл считает, что с современной аудиторией, особенно молодежной, надо говорить на ее языке. Богослужения «живоцерковников» (их можно посмотреть по ю-тьюбу) представляют собой странное зрелище: пастор произносит проповедь в жанре рэпа (мелодекламации, сопровождаемой ритмичными телодвижениями) и в такт ему раскачивается и повторяет его слова многотысячная аудитория. Религия ли здесь вторгается в «мир» или, наоборот, «мир» вторгается в религию? На упреки коллег в отходе от кальвинизма Дрисколл отвечает, что

он руководствуется велениями Святого Духа и отходит от кальвинизма «вместе с Кальвином».

Не знаю, как бы повел себя Кальвин теперь, но в свое время он остерегался велений Святого Духа или того, что за них принимается: лютеровской *Sola fide* он противопоставил *Sola Scriptura*, то есть интуитивной вере противопоставил опору на Библию. Виднейший теолог неокальвинизма Тимоти Келлер (его называют, не знаю, заслуженно ли, «Клайвом Льюисом XXI века»), хоть и считает себя твердым последователем Кальвина, тоже старается преодолеть его избыточный рационализм, приобщая своих читателей и слушателей к духовному опыту Игнатия Лойолы, Франциска Сальского и Терезы Авильской, то есть католических мистиков и деятелей Контрреформации, а с другой стороны, Достоевского. Обращение к ним, по его убеждению, расширяет диапазон кальвинизма, не изменяя его сущности.

«Мы, христиане, — говорит Келлер, — должны так же уметь воздействовать на души, как это делает Голливуд»²².

А вот Мэрилин Робинсон считает, что путь духовного возрождения пролегал и м о Голливуда. «Рэймонд Чандлер (известный писатель-детективщик и киносценарист. — Ю.К.), — пишет она, — в... очерке 1945 года "Писатели в Голливуде" показывает нам, что киноиндустрия и 65 лет назад была, в общем и целом, такой же невдохновленной и смешной, как и сейчас»²³. Задача состоит в том, чтобы «вернуть теологию в разговор культурных людей»; и вернуть книге первенствующую роль в современной культуре.

Напомню, что традиционные кальвинисты-пуритане, как, впрочем, и все протестанты — книжники. Это благодаря их усилиям Северная Америка в свое время далеко опередила Европу по степени распространения грамотности. И это они основали первые в стране университеты — те, что сейчас входят в группу Плющевой лиги.

Актуальными остаются их взгляды на вопросы экономики. Что протестантская, а точнее именно кальвинистская этика сделала возможной развитие капитализма, это сегодня всякий знает. Менее охотно вспоминают, что Кальвин был противником чрезмерного потребления, а роскошь осуждал в самых резких выражениях. Сегодня неокальвинисты выступают против идеологии всемирного рынка, этого «экономического Пантократора», лишаящего экономику устойчивости и увеличивающего разрыв между богатыми и бедными; и это в условиях неизбежного сокращения ресурсов. Их девиз, охватывающий равно сферы экономики и морали — Самоограничение (заметная точка схождения с идеологией А.И. Солженицына). Неизменным остается у неокальвинистов культ работы; если девиз потребительского общества — «работать, чтобы жить», то девиз неокальвинистов тот же, что и столетия назад, — «жить, чтобы работать».

Неокальвинисты способны произвести впечатление своей уверенностью в будущем, декларируемой ими способностью с Божьей помощью «обновить мир». В 2009 году впечатленный ими журнал «Time» поместил неокальвинизм в число «десяти идей, которые изменяют мир прямо сейчас», поставив его в этом списке на третье место.

Хотя политическая сфера не является приоритетной для неокальвинистов (и, тем более, для неопуритан, занимающих, как я уже сказал, оборонительную по отношению к «миру» позицию), некоторые из них мечтают о «политическом принце», который возглавит движение. Пока «принца» не видно, зато появилась

«принцесса» — экс-губернатор Аляски Сара Пейлин, заслужившая прозвище «Катюша» (отсылка к системе залпового огня, а отнюдь не к выходящей на берег певунье). Твердо стоящая «на страже Библии», Пейлин способна объединить консерваторов и консервативных революционеров разных мастей, включая Южных традиционалистов, не привыкших видеть женщину в роли лидера. Впрочем, «маскулинность» южан, возможно, преувеличена; напомним характеристику, которую дал южанину Фолкнер: «буян и подкаблучник». Так или иначе, когда Пейлин посетила кладбище павших конфедератов под Геттисбергом, собравшаяся толпа неоконфедератов скандировала: «Сара, веди нас на Маунт-Ли!» (то есть на Голливуд).

На последних президентских выборах Пейлин выставила свою кандидатуру от республиканцев и одно время «бежала» рядом с М. Ромни, лишь чуть-чуть отставая от него (но имея шансы опередить). Неожиданно для многих в какой-то момент она вышла из борьбы. Почему это произошло, возможно, объясняет фильм «Игра изменилась» Джея Роуза (2012), признанный лучшей политической драмой минувшего года, — о политическом дебюте Пейлин на выборах 2008-го (где она баллотировалась в качестве вице-президента). Не посмотрев фильм, а только познакомившись с трейлером, Пейлин поспешила сказать, что это «очередная голливудская стряпня». Между тем, фильм скорее благорасположен к Пейлин, а играющая героиню Джулианна Мур явно ей симпатизирует. Но в чем смысл заголовка: что изменилось или, по крайней мере, что меняется на политическом Олимпе? Кандидат в вице-президенты в какой-то момент начинает вести себя не так, как это предусмотрено отлаженной партийной машиной, она все меньше прислушивается к голосам политических консультантов, все больше доверяет своей интуиции человека «простого», но твердо верующего в каждое слово Библии (она отказывается, например, поддержать слишком «мягкую» позицию кандидата в президенты Маккейна по вопросам об абортах и об использовании стволовых клеток).

Историк Дэррил Харт пишет, не скрывая раздражения: «После тридцати лет сотрудничества с политическими консерваторами евангелисты не расширили свой интеллектуальный репертуар сверх моральных императивов Библии»²⁴. Поскольку речь идет о пуританах, точнее будет сказать: укрепились на моральных императивах.²⁵

Выход «Катюши» из президентской гонки 2012-го ее сторонники объясняют тем, что необходимо «оздоровить» атмосферу политической жизни, прежде чем ввязываться в борьбу на этом поле. Один из ее советников президент фонда «Альфа-стратегии» Джей Роджерс пишет: «Выиграть битву идей гораздо важнее, чем выиграть очередные выборы — потому что эти идеи формируют программы политических коалиций»²⁶. Другие ратоборцы пуританского направления первостепенную важность придают «переменам в сердце»; на евангельском языке сердце есть средоточие духовной и душевной жизни человека.

Итак, битва продолжается на поле культуры. Бескровная (пока, во всяком случае), но битва. Национальная конференция евангельской церкви даже издает газету, которая называется «Вести с фронтов». Другая газета пуританского направления завела такую рубрику — «На линии огня». Президент Библейского института Джефферсон Зиглер следующим образом формулирует задачу, общую для всего американского пуританства или, по крайней мере, для неокальвинистской его части: «пуританский шторм должен превратить Американскую

церковь из сентиментального и давшего течь корабля, каковым она ныне является, в полностью вооруженную пуританскую боевую машину, которая вернет Христу положение возглавителя нашего народа»²⁷. Призрак кромвелевских «железнобоких» возникает при чтении подобных текстов.

Чем дело кончится? Трудно представить, чтобы современная Америка могла обернуться «строгой страной», по выражению Роберта Фроста, какой она была (или хотела быть) когда-то; хотя вообще-то в истории возможно все, что угодно. Легче представить, что сторонники и противники пуританства «разбегутся» по разные стороны линии Мэйсон—Диксон. Новое кровопролитие, по образцу 1861—1865 годов, маловероятно, но в определенный момент сецессия вполне возможна, раз уж о ней столько говорят и пишут. Возможен, на мой взгляд, и третий вариант: поднимется вторая волна *макрекерства* (движения «разгребателей грязи»). Первая волна пришлась на начало XX века: она хотя бы отчасти смысла уродства дикого капитализма последней трети XIX века (экономические и финансовые преступления, коррумпированная полиция, злоупотребления в сфере здравоохранения, использование детского труда и т.п.), пришедшие в кричащее противоречие с традициями американской добросовестности. Новая волна могла бы ударить по «сексуальным революционерам», мультикультуралистам и прочим отщепенцам от национальной основы.

Это, конечно, не наша война. Но и считать ее чужой для нашей американизированной в высокой (значительно большей, чем в этом хотелось бы признать самим себе) степени страны никак нельзя. Следить за ее ходом важнее, чем следить за курсом доллара или перемещениями американских военных баз на планете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это выражение переводят как «война культур», или «война за культуру», или «культурная война», но все эти переводы неточны. Более точный перевод — «война в поле культуры», но это слишком длинно, поэтому я предпочитаю пользоваться англоязычным сочетанием без перевода.

² В состав Конфедерации вошли тринадцать штатов, так как два штата, Делавэр и Мериленд, были силой удержаны северянами в составе Союза еще до начала войны.

³ www.nolanchart.com/article9511-is-there-a-southern-movement-part-ii.html

⁴ *Thompson C.* Better Off Without Them: A Northern Manifesto for Southern Secession. New York. 2012.

⁵ *Fischer D.* Albion's Seed. New York. 1989.

⁶ Подробно об этом сборнике я писал в статье «Пересмешник поет в магнолиях». — «Москва», 2012, № 1.

⁷ Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973—1983. М. 2005, с. 243.

⁸ *Limbaugh D.* Persecution: How Liberals Are Waging War against Christianity. New York. 2007.

⁹ www.christianpost.com/news/growing-intolerance-for-christianity-in-us-49588

¹⁰ *Kreeft P.* How to Win the culture War. — «Crisis». 1998. № 6, p. 14—15.

¹¹ *Rovanowski W.* Eyes Wide Open. Boston. 2007. P. 54.

¹² *Цвейг С.* Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина. М. 1988, с. 210.

¹³ Достоевский писал: «Окончательное слово человечества об этом великом

племени еще впереди» (Цит. по: Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. 2. М. 2006, с. 17). Кстати, в этой книге Солженицына вопрос об участии евреев в разрушении исторической России освещен, на мой взгляд, достаточно объективно.

¹⁴ *Dresner R.* Can Families Survive in Pagan America? New York. 2003, p. 316—317.

¹⁵ www.alternet.org/story/15607/conservative_southern_values_revived%3A_how_a_brutal_strain_of_american_aristocrats_have_come_to_rule_america?page=0%2

¹⁶ *Zafirovsri M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Authoritarianism. Denton (Tex.). 2007, p. 314.

¹⁷ www.watchblog.com/thirdparty/archives/002298.html

¹⁸ Тот факт, что неопуритане существуют не только на Юге, но и в других штатах, не исключает возможности размежевания по географическому признаку. В канун Гражданской войны в Соединенных Штатах тоже существовала некоторая чересполосица взглядов и позиций. Так, в вопросе о рабстве негров среди религиозных организаций Севера (а их решения имели тогда очень большой вес) лишь меньшинство выступало за немедленное освобождение рабов. Существовало и другое меньшинство, считавшее, что рабство следует сохранить. Большинство же стояло на той точке зрения, что рабов следует освобождать постепенно. Но так же считало и большинство религиозных организаций на Юге! Или взять другой предмет раздора: вопрос о правах штатов. Как на Юге, так и на Севере были штаты, которые испытывали в этом вопросе колебания. И только тогда, когда военнообязанные северяне облачились в синие мундиры, а южане в светло-серые — Север стал одноцветно «синим», а Юг — «серым».

¹⁹ В каноническом русском переводе: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мат. 5 : 14).

²⁰ Примечательно, однако, что кальвинизм первоначально распространился в высшем культурном слое ренессансной Европы, а именно в аристократических кругах Франции, Англии и Польши, к излишествам как раз привычных.

²¹ www.guardian.co.uk/commentisfree/andrewbrown/2009/jun/04/religion-marilynne-robinson

²² www.crosswalk.com/blogs/tchividjian/tim-keller_s-foreword-to-unfashionable-11636819.html

²³ www.niemanstoryboard.org/tag/marilynne-robinson

²⁴ *Hart D.* From Billy Graham to Sarah Palin. Grand Rapids. 2011, p. 8.

²⁵ Харт, по крайней мере, правильно указывает на религиозную основу взглядов Пейлин, а вот политолог из Нью-Йорка Кори Робин в книге «Реакционный дух: консерваторы от Эдмунда Бёрка до Сары Пейлин» (М., 2012) допускает слишком большую натяжку, выстраивая консерваторов разных времен и народов в одну шеренгу «элитистов», то есть в его представлении антидемократов. Кого-кого, а Пейлин отнести к «элитистам» крайне трудно. И ее пуританский консерватизм (который оборачивается сейчас консервативным революционизмом) — совершенно иного типа, чем консерватизм Бёрка и его последователей. И совсем не вяжется с «элитизмом» анекдотическое незнание Сарой географии и ее невежественность во внешнеполитических вопросах.

²⁶ www.forerunner.com/blog/christian-jihad-par-b-enter-the-theocrats

²⁷ www.forerunner.com/puritans/puritan.html